

УДК 001:165.9

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_31

«ЭЗО-» ИЛИ «ЭКЗО-»? К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА УЧЕНЫМ ФОРМАТА ДИСКУРСА В НАУКЕ ПОЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА

Вячеслав Юрьевич Васечко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
vyacheslavpetro@narod.ru

Статья поступила в редакцию 04.06.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Васечко В.Ю. «Эзо-» или «экзо-»? К проблеме выбора ученым формата дискурса в науке политарного общества // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 31–47. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_31

Аннотация

В статье рассматривается специфика эпистемологического дискурса в политарных социумах, под которыми автор понимает в первую очередь цивилизации древнего и средневекового Востока. Целью работы является раскрытие рефлексивных механизмов и внутренней мотивации, определяющих формат, посредством которого академическое сообщество доводит до социума полученные им когнитивные новации. Данная проблема представляется особенно актуальной в свете того, что и в далеких от политаризма социально-культурных организациях, и в иные эпохи, включая современность, ученые осознают, что не всякое их открытие может и должно немедленно становиться известным широкой общественности. В качестве основных методов в статье используются: 1) герменевтическая интерпретация текстов ученых, работавших в политарных обществах; 2) рационально-теоретическая реконструкция жизненных реалий, на фоне которых осуществляется эпистемологический поиск; 3) экстернализм и интернализм как альтернативные и одновременно эффективно дополняющие друг друга философско-научоведческие конструкции.

© Васечко В.Ю., 2021

Результаты исследования дают основание говорить о существовании сложного нравственно-психологического конфликта в сознании активных участников научного дискурса. С одной стороны, ученый призван действовать в интересах всего общества и потому мотивирован на создание экзотерических текстов (педагогического, просветительского, технического и иного характера), предполагающих в качестве адресата самую широкую читающую публику. С другой стороны, запросы сугубо эпистемологического поиска формируют потребность в специально-теоретических изысканиях, результаты которых должны обнародоваться дозированно и осторожно. В этих условиях обращение к эзотерическому формату следует трактовать не как прихоть научного сообщества, а как оптимизирующее средство, необходимое для спокойной и безопасной исследовательской работы. Однако чрезмерная эзотеризация может повлечь за собой ограничение числа активных субъектов дискурса. В тех случаях, когда носители эзотерического знания умирают, не найдя достойных последователей, данное направление исследований обычно обрывается. То же самое происходит в периоды социально-политических катастроф, сопровождающихся тотальным разрушением прежних культурных ценностей.

Ключевые слова:

политарное общество, эпистемологический дискурс, эзотерика, экзотерика, Бируни.

UDC 001:165.9

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_31

“ESO-” OR “EXO-”? THE PROBLEM OF CHOOSING THE DISCOURSE FORMAT IN THE POLITAR SOCIETY SCIENCE

Vyacheslav Yu. Vasechko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vyacheslavpetro@narod.ru

Article received on June 04, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Vasechko, V.Yu. (2021). “Eso-” or “Exo-”? The Problem of Choosing the Discourse Format in the Politar Society Science. *Scientific journal “Discourse-P”*, 18(3), 31–47. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_31

Abstract

The article examines the specificity of epistemological discourse in politar societies, understood by the author as primarily the civilizations of the ancient and medieval East. The research aims at revealing the reflexive mechanisms and internal motivation that determine the format used by the academic community to bring gained cognitive innovations to society. This issue is especially relevant in light of the fact that in other socio-cultural organisms, being far from politarism, and in other epochs, including the present, scientists are aware that not every discovery of them can and should immediately become known to the general public. The main methods used in the article are: 1) hermeneutic interpretation of texts belonging to scientists who worked in politar societies; 2) rational and theoretical reconstruction of life realities against the background of which an epistemological search is carried out; 3) externalism and internalism as alternative and at the same time effectively complementing each other philosophical and scientific constructions. The results of the study give grounds to assert existence of a complex moral and psychological conflict in the minds of those actively involved in the scientific discourse. On the one hand, a scientist is called upon to act in the interests of the whole society and therefore is motivated to create exoteric texts (pedagogical, educational, technical, etc.), which assume the widest reading audience as the addressee. On the other hand, the requests for a purely epistemological search create the need for special theoretical research, the results of which should be disclosed in a dosed and careful manner. In these conditions, the appeal to the esoteric format should be interpreted not as a whim of the scientific community, but as an optimizing tool required for calm and safe research work. However, excessive esoterization might entail a limitation on the number of active discourse participants. In cases when the bearers of esoteric knowledge die without finding worthy successors, this line of research is usually terminated. The same thing happens during periods of socio-political catastrophes, accompanied by the total destruction of former cultural values.

Keywords:

politar society, epistemological discourse, esoteric, exoteric, Biruni.

Ученый: зачем он нужен?

Очевидно, что с социокультурной точки зрения ученый призван работать не только на более или менее отдаленную перспективу, производя такие знания, которые в данный момент не могут быть востребованы обществом в целом, но и на настоящее, на злобу дня, помогая людям решать их разнообразные проблемы здесь и сейчас. И история свидетельствует, что политарное общество¹

---

¹ Термин «политаризм» («политарное общество») заимствован нами из работ видного отечественного философа Ю.И. Семенова. Проблемы статуса и специфики науки в политарном обществе мы уже рассматривали ранее (Васечко, 2018, 2020а, 2020б и др.). Эпистемологический дискурс, имеющий дело прежде всего с точными науками, получает развитие в таких модусах политаризма, как древние Египет и Вавилон, древние

в данном случае не является исключением. Ученые обеспечивают знаниями не одну свою корпорацию и не только высокопоставленных или просто богатых заказчиков, но и весь социум, принося окружающим вполне осязаемую, долговечную и отнюдь немалую *пользу*. Другое дело, что непросвещенная публика обычно не отличается ни хорошей памятью, ни благодарностью, и потому ученому приходится порой специально акцентировать внимание оппонентов и читателей на вкладе своих соратников по цеху в общенародное дело.

Ученый на службе у власти и социума

Абу Рейхан Бируни, один из наиболее известных ученых мусульманского Средневековья, во введении к своей «Геодезии» не только эмоционально, но и достаточно убедительно обличает тех, кто доходит «до отрицания наук и ненависти к их служителям», кто в своем неистовстве «относит науки к заблуждениям.., клеймит их клеймом ереси, чтобы открыть пред собою врата для уничтожения ученых» (Бируни, 1966, с. 81), демагогически манипулируя при этом аргументом «к пользе»: «Величаемый справедливым грубиян... прислушивается к [наукам] с упорством упряма, возвращаясь затем вспять, к низости [своей] природы. И проявляется «проницновенная мудрость» в его словах: «Какая же в них [науках] польза?»...» (с. 82). Понимая, что на подобных субъектов доводы типа «науку ищут ради сути ее» и что «она сладостна сама по себе» вряд ли подействуют, ученый разворачивает яркую панораму того, как самые различные дисциплины – математика, науки о земле и небе, музыка и поэзии, логика, грамматика, языковедение и др. – оказываются необходимыми для полноценного функционирования общественного организма и удовлетворения жизненных нужд представителей любых социальных слоев, вообще ради привлечения добра и уклонения от зла. Подытоживая свой красочный и масштабный обзор, ученый констатирует: «Таково положение наук. Их породили потребности человека, необходимые для его жизни. Сообразно с ними [эти науки] разветвились. Полезность наук – получение посредством их необходимых вещей, а не стяжаемые с их помощью золото и серебро» (с. 86). Последняя оговорка адресована также тем, для кого «польза» – не просто элементарное материальное благополучие, но еще и погоня за разными извращенными удовольствиями, в число которых автор «Геодезии» включает «алхимию, подделку, воровство, растрату и навлечение ненависти [на других]» (с. 82).

Предполагая, что из пытливых и любознательных простолюдинов в будущем, возможно, вырастут продолжатели его дела, ученый время от времени обращается и к созданию сочинений педагогического, просветительского характера, поскольку учебники, задачки, решебники и прочая литература, адресованная самой широкой аудитории, всегда выполняет двойную функцию. Она не только формирует навыки и способности, необходимые даже низшему чиновничьему, торговому и инженерно-техническому персоналу, но и знакомит с азами науки тех немногих, кто сделает ее в дальнейшем главной целью своей жизни. Поэтому вряд ли стоит считать случайным совмещение в одном лице

и средневековые Индия и Китай, а также средневековые арабо-мусульманские страны Ближнего и Среднего Востока.

ученого самой высшей пробы и автора учебных пособий на уровне начальной и средней школы.

Древнекитайские математики честно служат обществу, доказывают ему свою полезность, создавая тексты, предназначенные для чиновников различных ведомств, которые должны уметь распределять и подсчитывать налоги, измерять земельные участки, вести расчеты при строительстве и т. п. Но это не мешает им заниматься фундаментальными теоретическими проблемами, и не просто для того, чтобы лучше играть роль школьных учителей, но и чтобы реализовать себя в качестве субъектов чистого, не заикленного на утилитарных вещах математического познания (Березкина, 2013, с. 27–33). Другое дело, что в официальных руководствах, предназначенных для обучения будущих чиновников, не полагалось приводить теоретические рассуждения (с. 37), и потому неудивительно, что тексты, содержащие математические доказательства и спекулятивные теоретические выкладки, в силу своей редкости обладали меньшими шансами уцелеть в ходе регулярных социально-политических и военных пертурбаций. Сунь-цзы, Лю Хуэй, Чжан Цю-цзянь, Сяоу Ян (III–V вв.) и многие другие математики, жившие как раньше, так и позже указанного времени, были известны прежде всего как составители использовавшихся для обучения школяров сборников задач, однако из комментариев к этим задачам хорошо видно, что уровень их собственного математического мышления и методологии намного превышал рамки тех правил и алгоритмов, которые были достаточны для решения учебных примеров.

Похожую картину мы наблюдаем и в других политарных социумах. Математические тексты вавилонян, дошедшие до нас в виде клинописных табличек, представляют собой либо вычислительные таблицы, либо сборники задач примерно с теми же практическими и деловыми сюжетами, что и китайская «Математика в девяти книгах» или «Математический трактат пяти ведомств»: вычисление площади засеянного поля, веса снятого урожая, объемов каналов, плотин, насыпей, валов, человеко-дней, необходимых, чтобы выкопать бассейн или возвести какое-либо сооружение, разделение наследства между братьями или вычисление процентов на капитал (Вайман, 1961, с. 85–87, 91–93, 95–99; Нейгебауер, 2010, с. 186–187). Однако для современного исследователя очевидно, что уровень математического мышления авторов и составителей этих задач был неизмеримо выше, чем понятия тех учеников и практиков, которым они непосредственно адресовались. Он таков, что, по мнению А. А. Ваймана, можно говорить о вавилонянах как о создателях теоретической математики как «области знаний, которая разрабатывалась независимо от экономических и технических потребностей общества» (Вайман, 1961, с. 207).

Эту традицию продолжают и ученые арабо-мусульманского мира, которые из всех интеллектуалов политарной эпохи более всего приблизились к европейской науке Возрождения и Нового времени, и вряд ли справедливы суждения тех современных авторов, которые видят в математике Ближнего Востока IX–XV вв. лишь регресс в сравнении с теориями Архимеда, Аполлония и Птолемея. Да, математики (равно как и механики, астрономы, географы и т. д.) того времени не дистанцируются от повседневной жизни, создавая книги, рассчитанные на массовую читательскую аудиторию (к примеру, «не для ученых, а для практиков», подчеркивает С. Ф. Старр, писалась «Алгебра» аль-Хорезми (Старр, 2017,

с. 178)). Но они отнюдь не полагают, что теория и практика – это вещи взаимоисключающие, и потому в своих философских и методологических сочинениях, начиная с аль-Фараби (следующего здесь, в свою очередь, за Аристотелем), подчеркивают, что, собственно, каждая наука включает в себя наряду с теоретическим и практический раздел (Матвиевская, 2012, с. 106, 108). Ибн Сина в «Книге знания» подразделяет вообще все науки на два вида – практические и теоретические, причем к первой группе у него относится довольно обширный (хотя и весьма пестрый) комплекс дисциплин – медицина, физиогномика, исчисление, наука об определении площадей, механика, изготовление гирь, весов и иных градуированных инструментов, оптических приборов, музыкальных инструментов и т. д. Исследователь творчества Ибн Сины констатирует, что в этом перечне «отражаются характерные для мусульманского средневековья дифференциация наук и укрепление их связи с ремесленным производством, торговлей и повседневной жизнью, требовавшими развития опытного знания, а в известных пределах и экспериментальных методов исследования...» (Сагадеев, 1980, с. 74). Из одних названий работ ал-Бузджани (940–998), старшего современника Ибн Сины, хорошо видно, что интерес к абстрактным теоретическим построениям (комментарии к Евклиду, Диофанту и Птолемею, «Книга доказательств предложений, которые установил Диофант в своем сочинении», «Книга об определении ребра куба, квадрато-квадрата и того, что состоит из них обоих») не мешал ученому писать пособия для самых обычных людей, знакомя их с азами математических наук: «Книга о том, что нужно знать писцам, дельцам и другим в науке арифметики», «Книга о том, что необходимо ремесленнику из геометрических построений», «Введение в арифметику» (Матвиевская, 2012, с. 85). Наконец, работавший уже на излете мусульманского Ренессанса аль-Каши, сотрудник Улугбека и один из руководителей его Самаркандской обсерватории, находит время, возможность и, вероятно, не в последнюю очередь желание не только для интенсивной деятельности на переднем крае тогдашней науки (именно ему принадлежит, в частности, вычисление значения π с необыкновенной для той поры точностью – до 16-го (!) десятичного знака (см.: Каши, 1954b, с. 350–351; Юшкевич, Розенфельд, 1954b, с. 448), но и для сочинения популярного учебника «Ключ к арифметике». «Большая польза этого не скроется от того, кто обратит на это внимание» (Каши, 1954a, с. 267), – замечает он, комментируя включенные сюда примеры и упражнения, понимая под пользой, как нетрудно догадаться, не одну лишь утилитарную выгоду, но и развитие собственного мышления читателя и выработку им у себя определенных ментальных навыков. И хотя этот труд аль-Каши не содержит доказательств и теоретических рассуждений и есть, по сути, «практическое руководство для вычислителей, торговцев, землемеров, строителей и т. д.» (Юшкевич, Розенфельд, 1954a, с. 429), автор, безусловно, не исключает, что для многих его читателей это первое знакомство с математической наукой будет продолжено и углублено.

Итак, даже если стоять на позициях банального, приземленного прагматизма, деятельность ученого представляет собой одно из главных условий социально-экономического благополучия. Ученые как хранители, трансляторы и производители точной информации об устройстве и функционировании предметов окружающего материального мира, несмотря на их крайнюю малочисленность (пока мы ограничиваемся в своем анализе рамками политарной

эпохи), остаются обязательным компонентом социума, хотя удельный вес их среди населения и степень реальной вовлеченности в общественные дела, разумеется, существенно разнятся от эпохи к эпохе и от одной модели политаризма к другой.

«Интернализм» vs «экстернализм»: конфликт интересов науки и жизни

При всем при том такой односторонний «экстерналистский» взгляд на роль и место этой эксклюзивной профессии не может считаться достаточным и исчерпывающим. Призвание ученого – это не только работа на потребу сегодняшнего дня или решение сиюминутных задачек, предлагаемых влиятельными лицами, но и удовлетворение социальных потребностей более высокого порядка. Настоящий ученый – всегда в той или иной мере «интерналист», т. е. служитель научной и объективной Истины как таковой, для которого приобретение все более фундаментальных знаний о мире и построение все более адекватной его картины остается высшим приоритетом и основной целью жизни.

Очевидно, что последовательное проведение и отстаивание этой жизненной установки не может не входить (по крайней мере, достаточно часто) в противоречие с теми ценностями и стандартами поведения, которые практикует окружающее эту, в сущности, крохотную группу людей невежественное и чуждое высоким интеллектуальным запросам большинство. Независимо от того, каков социальный ранг того или иного враждебного науке индивида, ученый вынужден считаться с его предубеждениями и быть готовым к определенным защитным действиям, чтобы не просто физически сохранить себя и результаты своих исследований, но и постараться, при возможности, поставить на службу Истине даже самые неблагоприятные обстоятельства. Для того чтобы ясно прочертить линию противостояния в этом иногда благодушном, а иногда и весьма жестоким спарринге – «сообщество ученых vs массив неученой публики» – обратимся к тому формату, который выбирает ученый, чтобы донести результаты своей работы до других людей, будь то современники или потомки, а именно к двум полярным, часто вплоть до взаимоисключения, видам дискурса: литература *экзотерическая* (рассчитанная на самую широкую публику) и литература *эзотерическая* (предполагающая весьма узкий круг хорошо подготовленных и надлежаще мотивированных читателей).

Мотивов, по которым индивид или сравнительно небольшая группа людей засекречивают от окружающих свои мысли, планы, мнения, сомнения, догадки, открытия и пр., немало. Писать в стол или только для крайне избранного круга ближайших сподвижников можно по соображениям политического, делового, религиозного, лично-интимного и иного свойства. В данном случае нас интересуют причины, по которым на какое-то время, а порой и навсегда, выпадает из публичного дискурса текст *эпистемологического* содержания, т. е. описание некоторого фрагмента объективной реальности или же методов ее исследования. Для этого необходимо проследить, почему и каким образом происходит в политарном обществе эзотеризация сугубо академических произведений, не имеющих прямого выхода на практику – ни на политико-административную, ни на культурную, ни на военную.

Ничтожное по численности братство ученых, существующее бок о бок с невежественной и далекой от толерантности массой, вынуждено использовать все возможные средства, чтобы сохраниться как коллективный эпистемологический субъект. Дело облегчается там, где мужи науки принадлежат к привилегированному сословию (касте), и где на них по определению распространяются известные права и свободы (среди которых наиболее значима для ученого свобода самостоятельно выбирать сферу занятий и иметь досуг для них), а также необходимые гарантии личной безопасности. И если иногда в нестабильные, кризисные периоды престиж, благополучие и даже само существование этого сословия (жречества в Египте, Вавилоне и Индии, конфуцианских шэньши в Китае и др.) оказываются под угрозой, то принадлежащие к нему ученые страдают здесь не как люди науки, а всего лишь как члены своей социальной страты, разделяя ее трудности и ее судьбу. Но вот проблема выживания данного индивида как ученого – выживания не столько физического, сколько интеллектуального и морального – остается и при спокойной, внешне благоприятной конъюнктуре, ибо даже среди высших и образованных каст количество действительно творческих личностей, готовых и способных делать науку, мизерно.

У Бируни мы находим немало филиппик по адресу толп невежд, среди которых приходится жить и действовать кучке ученых, причем он имеет все основания считать, что такая картина наблюдается среди самых разных народов, независимо от того, «истинной» или «ложной» веры придерживаются люди в данной стране. Своего единомышленника Бируни находит в лице язычника – жившего еще в домусульманскую эру Брахмагупты, утверждавшего, что среди индийцев «необразованных... гораздо больше, чем образованных, а толпа и в наших книгах откровения порицается и осуждается за свое невежество, постоянное сомнение и неблагодарность» (Бируни, 1995, с. 437). Среднестатистический простолюдин в мусульманской стране воображает, что математика «противоречит религии, расходится с шариатом, и что она – дело нечистое и искусство, коего следует избегать вовсе... И кажется ему, что все это похоже на то, к чему приводит заблуждение фанатиков [-сектантов], исповедующих учения их сект только после взятия [с них] клятв и обязательств и после долгого прохождения [испытаний] и выучки. Все это настолько увеличило его отвращение [к математике], что затыкание ушей пальцами стало самой действенной его мерой [спасения], а ораание во весь голос – самой сильной защитой» (Бируни, 1987, с. 122). Поэтому выставление на публичное обозрение научных сочинений чревато опасными последствиями как для их авторов, так и для самих книг: абсолютно ничего не понимая в их содержании, благочестивый простолюдин, даже умеющий немного читать-писать-считать, однозначно воспримет эти тексты как сектантские и чернокнижные и будет готов уничтожить их (не исключено, что вместе с их авторами и хранителями), хотя бы и в превентивном порядке, без специальной команды какого-нибудь фанатичного шейха или имама. Вывод специальной научной литературы из экзотерического обращения становится в данном случае не прихотью зазнавшихся умников, а скорее актом элементарного здравого смысла и мерой профессиональной самозащиты.

Для подлинного ученого такое засекречивание всегда остается необходимым лишь постольку, поскольку крупницы уже полученного знания нуждаются в защите от нездорового интереса воинственных дилетантов. Эта операция

не есть самоцель – она предполагает ознакомление с потаенными книгами избранных, достойных персон, которые не только способны уяснить себе их содержание, но и сделать их орудиями в дальнейшем эпистемологическом поиске². Даже в такой закрытой корпорации, как жречество, находятся эксперты, понимающие, что фундаментальное знание должно не только храниться в каких-то тайниках, но и постоянно прирастать, расширяться количественно и углубляться качественно. Вот почему эти хранители готовы поделиться своими тайнами с новыми адептами, разумеется, после тщательной, долгой и всесторонней проверки. Яркий пример тому – зарождение античной науки, основоположники которой черпают свои первоначальные знания из эзотерической мудрости египетских и вавилонских жрецов. Сам факт, что в этих столь скрытных, замкнутых, почти герметичных структурах находились те, кто считал возможным делиться своей информацией не только с подготовленными и мотивированными соотечественниками, но и с чужеземцами типа Фалеса, Пифагора или Демокрита, ясно свидетельствует о том, что на первом месте у этой группы жрецов стояли все-таки не кастовые, не религиозные, не политические ценности, а эпистемологические. Несколькими веками позже, в эпоху эллинизма, этот обмен информацией продолжился и углубился, а некоторые жрецы (такие как халдей Берос или египтянин Манефон) внесли немалый личный вклад в античную науку. Аналогичная история имела место и в Индии, где, например, Бируни так сумел расположить к себе брахманов, что они, поначалу не желавшие вступать с иноземцем-мусульманином ни в какие серьезные отношения, постепенно открыли ему весьма многие из своих тайн, по крайней мере из тех, что касались более всего интересовавших Абу Рейхана астрономии и математики.

Перевод эпистемологического дискурса (во всяком случае, значительных его сегментов) в укрытую от посторонних глаз область совершается параллельно с подчеркнутым вниманием к внешним, рассчитанным как раз на массовую, непрофессиональную публику, поведенческим правилам. Заранее подчиняясь практикуемым в социуме нормам – там, где это не сказывается на характере и качестве исследовательской деятельности, ученый вполне сознательно отделяет одну, главную для себя социальную роль (субъекта, перед которым поставлена цель формирования истинной картины мира и постоянного ее совершенствования) от всех остальных (верный подданный своего монарха, придворный сановник, преподаватель учебного заведения, член определенной общественной или конфессиональной группы). Он не склонен публично позиционировать себя в качестве врага господствующих ценностей, но не потому, что во всем с ними согласен, но лишь для того, чтобы они не мешали его занятиям любимым делом.

Это признает и Бируни, оценивая деятельность индийских астрономов и математиков: приноравливаясь к суевериям простонародья, участвуя в тради-

---

² Колофоны астрономических текстов из Урука содержат не только проклятия тем профанам, которые попытаются унести табличку для каких-то своих нужд (как, вероятно, средство попытаться оградить профессиональные секреты от любопытства случайных персон), но и обращения к тем, кого потенциально рассматривают в качестве равного партнера по дискурсу: «знающий может показать табличку знающему, но не незнающему» (Нейгебауер, 2003, с. 138).

ционных ритуалах, исправно выполняя заказы на составление астрологических прогнозов и будучи с этой точки зрения вполне лояльными, законопослушными членами общества, ученые мужи между собой и в книгах, рассчитанных на подготовленного читателя, отзываются о своих заказчиках весьма уничижительно. Хотя, как и всякая уступка пороку, такое невольное лицемерие не может обойтись для научного дискурса без известных издержек. Бируни подмечает, что с течением времени два вида астрономических представлений, т. е. эзотерическое, собственно научное, и экзотерическое, рассчитанное на массового потребителя, перемешались, и во многих текстах, излагающих взгляды на устройство Вселенной и движение небесных светил, порой трудно отделить объективную истину от нелепостей и предрассудков. Таковы, например, книги в основном высоко оцениваемого Бируни ученого Варахамири: если в одном месте Абу Рейхан хвалит его за то, что он «благодаря своим отменным познаниям в астрономии... не позволял себе следовать представлению простого народа о *сандхи*³» (Бируни, 1995, с. 322), то в другом уже резко порицает его за то, что он некритически описывает в своих сочинениях нелепые способы предсказания затмений Солнца и Луны с помощью наблюдения за поведением воды и масла в сосуде или же на основании феноменов метеорологического характера. Истинный ученый, по мнению Бируни, не должен опускаться до таких бессмыслиц, особенно зная характер своих соотечественников, «а именно, что они любят смешивать маш с кормовыми бобами и жемчуг с навозом» (с. 438).

В Китае мы также наблюдаем готовность ученых принять существующие в социуме правила игры, чтобы обеспечить себе возможности для когнитивной работы. И это касается прежде всего даосов – как тех, кто выбирает для себя придворную карьеру (обычно соблазняя императоров эликсирами бессмертия), так и тех, кто предпочитает вести тихую отшельническую жизнь, не привлекая к себе нездорового общественного интереса. Ученый-даос, понимая нелепость и бесплодность, мертвящий характер жесткого церемониала, действующего на всех этажах социальной лестницы, старается, тем не менее, не идти на лобовую конфронтацию со своими необразованными ближними. Там, где это оказывается неизбежным, он исполняет положенные обряды и ритуалы, чтобы угодить ушам и глазам толпы и чтобы не подпасть под репрессивные санкции (Рубин, 1999а, с. 60–61). Бывает, конечно, что он укрывает некоторые свои книги (например, среди 20 тыс. рукописей V–X вв. из хранилища в Дуньхуанских пещерах немалую часть составили астрономические, математические и медицинские тексты), но такая секретность далека от политических соображений (Рубин, 1999b). Даже ученые, избравшие роли отшельников, держат себя так, что в целом их образ жизни не вызывает подозрений ни у властей, ни у плебса, и только легисты с их маниакальным желанием подчинить всю физическую и умственную деятельность тотальному государственному контролю квалифицируют такое поведение как вызов правителю и подрыв политических и социальных устоев.

³ *Сандхи* – интервал времени, который совершенно по-разному определяется индийскими астрономами, с одной стороны, и благочестивыми, но малограмотными простолюдинами, чьи представления базируются на сакральной литературе, излагающей различные древние мифы, с другой.

Аллегоризм и символика: симбиоз эзо- и экзотерики

Среди приемов, которые ученое сообщество успешно практикует, чтобы встроиться в экзотерический формат и при этом не раствориться в нем, фигурирует *аллегорическая* или *символическая интерпретация*. Текст, вообще говоря, доступный широкому обозрению и не представляющий тайны для рядовых членов общества (грамотных, во всяком случае), оказывается набором символов и идей, которые в своей полноте и глубине открываются только знающему, компетентному, вдумчивому читателю, владеющему экзотерическими смыслами и умеющему читать между строк. Это относится как к текстам, специально создаваемым ученым и запускаемым им «в массы», так и к уже достаточно долго существующим и общеизвестным книгам типа Корана – настольной книги всякого мусульманина, умеющего читать по-арабски. Благодаря аллегориям, метафорам и тонким намекам мудрец выполняет две взаимосвязанные задачи: 1) воздействует на неразумных людей, невежественных своих земляков, используя тот язык, который им понятен; 2) обеспечивает себе защиту от непосвященных, ненадежных и склонных к подозрительности людей, на придирки которых автор всегда может возразить, что он совсем не то имел в виду, что ему стараются приписать.

Ибн Сина в небольшом произведении «Послание о птицах», обобщая свой жизненный и профессиональный опыт, так обращается к своим единомышленникам – к тем, кого соединило с ним «божественное сродство душ»: «О братья истины, укройтесь масками, как укрывается глазами дикобраз, явите то, что скрыто, скройте то, что явно. Богом клянусь, явное – это то, что скрыто, а скрытое – то, что явно» (Шидфар, 1981, с. 126). Благодаря такому диалектическому взаимопревращению экзотерики и эзотерики ученый муж может в какой-то мере смягчить напряженность в своих отношениях с неученым окружением, усыпить бдительность недоброжелателей, повысить шансы на реализацию своих интеллектуальных проектов. Это шаг вполне оправданный и вынужденный, однако тот, кто служит превыше всего Истине, не должен здесь излишне обольщаться, поскольку эффективность его условна и зависит от множества привходящих обстоятельств. Знания, которые он пытается донести до окружающих в зашифрованной форме, могут остаться втуне – возможно, ввиду самой этой формы. Что, кстати, подтверждает и история лирического героя «Послания о птицах», который в результате лишь возбудил у своих трезвомыслящих слушателей подозрение в том, что он двинулся умом («Мы видим, что ты повредился в разуме или бредишь! Клянусь Аллахом, ты никуда не улетал, а улетел твой рассудок, покинув тебя! Тебя никто не поймал, а твой ум пойман на крючок безумия...»). Герою остаются лишь горькие сетования по поводу растрченных понапрасну усилий и сожаления о неудавшейся коммуникации: «Как много они говорят и как мало от этого проку! Ведь худшие слова – это те, что пропадают, оставленные без внимания. Господь один мне поможет, дай бог быть подальше от людей» (Шидфар, 1981, с. 142). Но эта частная неудача никак не означает, что сама принципиальная установка на социальную мимикрию, на выстраивание буфера между суверенно-когнитивным и общепопулярным, обыденным дискурсом была изначально ошибочной и должна быть пересмотрена.

В своем поиске истины ученый принципиально отличен не только от радетелей показного, формального и зачастую фальшиво-лицемерного ритуализма, но и от эзотерических псевдоавторитетов, которые с корыстной для себя выгодой поощряют суеверия падкой на сенсационность публики. Чуткая интуиция ученого плюс имеющиеся у него обширные познания позволяют быстро распознать, что скрывается под литературой, авторы и распространители которой под большим секретом обещают читателю нечто такое, что даст ему силу и власть над окружающими, здоровье, богатство и вообще все мыслимые блага. Так, Бируни не скрывает презрения к большинству так называемых «книг Гермеса», а также к книгам об алхимии и талисманах, опираясь на которые ловкие шарлатаны пускают людям пыль в глаза. Древность этих сочинений (часто мнимая, сфабрикованная) помогает еще более запутать не владеющих полнотой информации любителей таинственного: «Подражания этим книгам широко распространены у «мудрецов», и прежде всего у самых древних из них в силу затемненности сведений в них благодаря древности. Кое-кто относит содержание этих книг к разгадыванию тайн путем сочетания их слов с символами» (Беруни, 1987, с. 255). Соглашаясь, в принципе, что расшифровывание символики древних текстов, введение их в современный научный оборот – дело необходимое и достойное, ученый хорошо видит, как на этом греет руки множество проходимцев, которых простые люди по внешнему виду часто не могут отличить от настоящих профессионалов, тем более что последние весьма немногочисленны.

Издержки и риски эзотеризации

В политарную эпоху выведение некоторого корпуса текстов из эзотерического обихода имеет одним из негативных следствий то, что эта литература, значительная часть которой может содержать важные и даже фундаментальные в когнитивном отношении сведения, концепции, идеи, в периоды социальных катаклизмов оказывается особенно уязвимой. Если массовая литература в виде книг, растиражированных в сотнях, тысячах и десятках тысяч экземпляров, имеет высокие шансы уцелеть в случаях вражеских нашествий, крестьянских восстаний или падения правящей династии (что редко когда происходило спокойно), то потаенные книги, существующие порой в единственном числе, рискуют при таких обстоятельствах навсегда исчезнуть из арсенала науки. Иногда от них остаются лишь названия, которые, в свою очередь, становятся искушением для некоторых энтузиастов, пытающихся выдать свои подделки за вновь обнаруженные аутентичные тексты (впрочем, не всегда эти затеи оказываются бесполезными для науки).

Проведенное В. Е. Еремеевым капитальное исследование позволило с высокой степенью вероятности предположить существование в Китае на рубеже эпох Инь и Чжоу (примерно в XIII–VII вв. до н. э.) обширного пласта протонаучных текстов, охватывающих самые разные области знания, из которых впоследствии взяли начало отдельные естественно-научные и гуманитарные дисциплины (математика, астрономия, физика, физиология, медицина, психология и др.). Эти тексты, выражавшие принципы единого, глубоко разработанного учения (названного В. Е. Еремеевым «арифмосемиотикой») и группировавшие-

ся вокруг книги «Ицзин» («Канон перемен»), вышли из обращения вскоре после падения в 770 г. до н. э. династии Западного Чжоу и переноса столицы на восток страны, а дошедшая до нас литература конфуцианской и постконфуцианской эпохи, начиная с VI–V вв. до н. э., сохранила лишь следы, отблески, тень той развернутой системы знания, которую сейчас можно попробовать реконструировать лишь с большим трудом: «Если приглядеться, то за теми или иными фиксируемыми в них [в постконфуцианских текстах. – В.В.] символическими комплексами виднеется более мощная развитая знаково-смысловая система, подобно тому как в осколках голографической пластинки просматриваются смутные очертания имевшегося на ней целостного изображения» (Еремеев, 2005, с. 129). Ситуация для нынешних реконструкторов осложняется и тем, что и в последующие времена в Китае имело место массовое засекречивание знания как на уровне официальных государственных структур, так и в различных профессиональных и исследовательских корпорациях, и с каждым новым социально-политическим катаклизмом шансы древних рукописей хотя бы просто уцелеть становились все меньше.

Как справедливо отмечает В. Е. Еремеев, такая картина характерна не для одного Китая: «Древний мир не выработал такой системы передачи знаний, которая гарантировала бы его достаточную сохранность во времени. Всякие ухищрения в этом вопросе так или иначе давали сбой. Это относится как к устной, так и к письменной системам передачи знаний» (Еремеев, 2005, с. 130). После смерти обладателя эзотерических знаний открытые или сохраненные им истины удаляются из эпистемологического дискурса и фактически умирают для науки, ожидая своего возрождения, т. е. переоткрытия следующими поколениями ученых. Что же касается отдельных фрагментов утраченных масштабных доктрин, то они, в принципе, могут продолжить существование в виде отдельных текстов или даже незакрепленной письменно традиции, однако при отсутствии адекватной интерпретации используемых здесь символики и терминологии те смыслы, которые выражались с помощью данных языковых средств, также будут утеряны. На место сознательного сбережения имеющегося знания и дальнейшего поиска на его основе новых фактов и природных закономерностей придет произнесение, повторение и переписывание бессмысленных формул-мантр. От эзотерического знания останется лишь мертвый, застывший суррогат, бессодержательная форма, которая, может быть, и послужит для ее обладателя средством привлечения к себе внимания любителей разного рода секретов, но будет совершенно неспособной к выполнению эпистемологических функций. Научное знание, когда-то в прошлом эмансипировавшееся от магических процедур (по цели, смыслу, методам), вероятнее всего, снова окажется поглощенным магией и сделается орудием колдунов, шарлатанов и ясновидящих.

Для исследователей, например, культуры Древнего Египта не новость, когда в ходе анализа сохранившегося текста выявляются ошибки и описки, свидетельствующие о том, что пишущий работал чисто механически, копируя текст, совершенно ему чуждый с точки зрения семантики. При соединении отдельных частей в большие тексты и при изготовлении копий (иногда и в случае дополнений, вносимых малограмотным переписчиком) исходный текст становился непонятным и малопригодным для нового поколения желающих вступить

в храм науки (Нейгебауер, 2010, с. 142). В обширном «Математическом трактате Сунь-цзы» встречаются такие таблицы, назначение которых невозможно установить даже современными исследовательскими методами (Березкина, 2013, с. 95). Бируни часто сетует, что среди индийских книг по астрономии, математике и другим наукам ему встречаются непонятные места, которые не могут растолковать даже благорасположенные к нему брахманы – явно, в силу ограниченности собственных познаний. Ко всем этим когнитивным трудностям добавляется трансформация языка (как естественного, так и академического), делающая со временем древние тексты практически нечитаемыми даже для самых продвинутых эрудитов. Такова высокая цена за то, чтобы укрыть достигнутое знание от посторонних глаз и ушей, и чем удачнее (как, наверно, думалось иным энтузиастам) это делалось, тем скорее могла такая операция обернуться в будущем невозполнимой потерей для потенциальных продолжателей их работы.

Заключение

Итак, взаимоотношения между эзо- и экзотерически ориентированными компонентами когнитивного дискурса в политарном социуме складываются сложно, неоднозначно, порой даже драматически. Вывод значительной части дискурса (текстов, концепций, дискуссий, методик, инструментария и др.) из поля зрения широкой публики имеет свои плюсы и, при известных обстоятельствах, является вполне оправданным и оптимизирующим средством. Исследование, производимое в узком кругу единомышленников, хорошо понимающих друг друга и имеющих общие цели и задачи, исследование, защищенное от произвольного и грубого вмешательства невежественной толпы (к тому же часто подстрекаемой фанатиками и шарлатанами), имеет сравнительно высокие шансы на успех. Постепенное и взвешенное введение в открытый оборот новых научных данных, разумный, осторожный и дозированный подход к обнародованию получаемых результатов, не исключающий и засекречивания на длительный срок слишком радикальных эпистемологических продуктов, непривычных и непонятных для масс, также имеют под собой веские основания.

Однако всегда сохраняется опасность того, что чрезмерная эзотеризация (превращающаяся у некоторых, не самых способных и дальновидных персон в самоцель) неизбежно повлечет за собой ограничение числа тех активных субъектов дискурса, которые в состоянии продвигать и стимулировать его. Если носители эзотерического знания уходят в иной мир, не успев или не пожелав поделиться этим знанием с последователями, данное направление исследований почти всегда обрывается даже в редких случаях спасения обслуживавших его текстов. Это же происходит в периоды социально-политических катастроф, сопровождающихся тотальным разрушением прежних культурных ценностей. Новое поколение исследователей чаще всего не может проникнуть в символически сохранившихся текстов, расшифровать и актуализировать их. Наконец, культ тайны обычно привлекает к себе патологический интерес со стороны непосвященных, создает у многих из них негативное настроение, вызывает стойкую ненависть и антипатию. Все это при отсутствии сдерживающих соци-

альных факторов может привести к точечной физической расправе с адептами эзотерических доктрин и утрате написанной и сохраненной ими литературы.

Список литературы

1. Березкина, Э.И. (2013). *Математика Древнего Китая*. М.: Либроком.
2. Бериуни, А.Р. (1987). Обособление речи о проблемах теней (Гномоника). В *Избранные произведения* (Т. VII, с. 119–255). Ташкент: Фан.
3. Бериуни, А.Р. (1966). Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [Геодезия]. В *Избранные произведения* (Т. III). Ташкент: Фан.
4. Бериуни, А.Р. (1995). *Индия*. М.: Ладомир.
5. Вайман, А.А. (1961). *Шумеро-вавилонская математика III–I тыс. до н. э.* М.: Восточная литература.
6. Васечко, В.Ю. (2018). «Ученый профан» versus сановный иерократ: к проблеме возможности суверенного эпистемологического дискурса в политарном обществе. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (3–4), 105–115. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.105115>
7. Васечко, В.Ю. (2020а). Наука под патронажем кесаря-политарха. *Антиномии*, 20(1), 69–88. <https://dx.doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10103>
8. Васечко, В.Ю. (2020b). Утилитаризм vs бескорыстие: коллизии эпистемологического дискурса под патронажем кесаря-политарха. *НОМОТНТИКА: Философия. Социология. Право*, 45(4), 614–622. <https://doi.org/10.18413/2712-746x-2020-45-4-614-622>
9. Еремеев, В.Е. (2005). *Символы и числа «Книги перемен»*. М.: Ладомир.
10. Каши (1954а). Ключ к арифметике. В *Историко-математические исследования* (Вып. VII, с. 9–449). М.: Гостехиздат.
11. Каши (1954b). Трактат об окружности. В *Историко-математические исследования* (Вып. VII, с. 327–379). М.: Гостехиздат.
12. Матвиевская, Г.П. (2012). *Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке*. М.: URSS.
13. Нейгебауер, О. (2003). *Точные науки в древности*. М.: УРСС.
14. Нейгебауер, О. (2010). *Лекции по истории античных математических наук: Догреческая математика*. М.: ЛКИ.
15. Рубин, В.А. (1999а). Идеология и культура Древнего Китая (четыре силуэта). В *Личность и власть в Древнем Китае* (с. 8–76). М.: Восточная литература.
16. Рубин, В.А. (1999b). Проблема секретности в древнекитайской мысли. В *Личность и власть в Древнем Китае* (с. 82–87). М.: Восточная литература.
17. Сагадеев, А.В. (1980). *Ибн-Сина (Авиценна)*. М.: Мысль.
18. Старр, С. Ф. (2017). *Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана*. М.: Альпина Паблишер.
19. Шидфар, Б.Я. (1981). *Ибн Сина*. М.: Наука.
20. Юшкевич, А.П., Розенфельд, Б.А. (1954а). Примечания к трактату «Ключ к арифметике». В *Историко-математические исследования* (Вып. VII,

с. 380–439). М.: Гостехиздат.

21. Юшкевич, А.П., Розенфельд, Б.А. (1954b). Примечания к «Трактату об окружности». В *Историко-математические исследования* (Вып. VII, с. 439–449). М.: Гостехиздат.

References

1. Berezkina, E. I. (2013). *Matematika Drevnego Kitaya* [Mathematics of Ancient China]. Moscow: Librokom.
2. Biruni, A. R. (1966). Opredelenie granicz mest dlya utochneniya rasstoyanij mezhdu naseleenny'mi punktami (Geodeziya) [Determining the boundaries of places to clarify the distances between settlements (Geodesy)]. In *Izbranny'e proizvedeniya* (Vol. III). Tashkent: Fan.
3. Biruni, A. R. (1987). Obosoblenie rechi o problemakh tenej (Gnomonika) [Separation of speech about the problems of shadows (Gnomonics)]. In *Izbranny'e proizvedeniya* (Vol. VII, pp. 119–255). Tashkent: Fan.
4. Biruni, A. R. (1995). *Indiya* [India]. Moscow: Ladomir.
5. Eremeev, V. E. (2005). *Simvol'y i chisla "Knigi peremen"* [Symbols and numbers of "The Book of change"]. Moscow: Ladomir.
6. Kashi (1954a). Klyuch k arifmetike [The key to Arithmetic]. In *Istoriko-matematicheskie issledovaniya* (Iss. VII, pp. 9–449). Moscow: Gostehizdat.
7. Kashi (1954b). Traktat ob okruzhnosti [Treatise on the Circumference]. In *Istoriko-matematicheskie issledovaniya* (Iss. VII, pp. 327–379). Moscow: Gostehizdat.
8. Matvievskaya, G. P. (2012). *Uchenie o chisle na srednevekovom Blizhnem i Srednem Vostoke* [Teachings on numbers in the Medieval Middle East]. Moscow: URSS.
9. Neugebauer, O. (2003). *Tochny'e nauki v drevnosti* [The exact sciences in Antiquity]. Moscow: URSS.
10. Neugebauer, O. (2010). *Lekcii po istorii antichny'h matematicheskikh nauk: Dogrecheskaya matematika* [Lectures on the history of ancient mathematical sciences: Pre-Greek mathematics]. Moscow: LKI.
11. Rubin, V. A. (1999a). Ideologiya i kul'tura Drevnego Kitaya (chety're silue'ta) [Ideology and culture of Ancient China (four silhouettes)]. In *Lichnost' i vlast' v Drevnem Kitae* (pp. 8–76). Moscow: Vostochnaya literatura.
12. Rubin, V. A. (1999b). Problema sekretnosti v drevnekitajskoj my'sli [The problem of secrecy in Ancient Chinese thought]. In *Lichnost' i vlast' v Drevnem Kitae* (pp. 82–87). Moscow: Vostochnaya literatura.
13. Sagadeev, A. V. (1980). *Ibn-Sina (Avicenna)* [Ibn Sina (Avicenna)]. Moscow: My'sl'.
14. Shidfar, B. Ya. (1981). *Ibn Sina* [Ibn Sina]. Moscow: Nauka.
15. Starr, S. F. (2017). *Utrachennoe Prosveshhenie: Zolotoj vek Central'noj Azii ot arabskogo zavoevaniya do vremen Tamerlana* [Lost Enlightenment: Central Asia's golden age from the Arab Conquest to Tamerlane]. Moscow: Al'pina Publisher.
16. Vajman, A. A. (1961). *Shumero-vavilonskaya matematika III–I ty's. do n.e'*. [Sumerian-Babylonian mathematics III–I thousand BC]. Moscow:

Vostochnaya literatura.

17. Vasechko, V. Yu. (2018). “Ucheny’j profan” versus sanovny’j ierokrat: k probleme vozmozhnosti suverennogo e’pistemologicheskogo diskursa v politarnom obshhestve [“The scientist layman” versus the stately hierocrat: The problem of possible sovereign epistemological discourse in polity society]. *Nauchny’j zhurnal “Diskurs-Pi”*, (3–4), 105–115. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.105115>

18. Vasechko, V. Yu. (2020a). Nauka pod patronazhem kesarya-politarha [Science under caesar-politarch’s patronage]. *Antinomii*, 20(1), 69–88. <https://dx.doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10103>

19. Vasechko, V. Yu. (2020b). Utilitarizm vs beskory’stie: kollizii e’pistemologicheskogo diskursa pod patronazhem kesarya-politarxa [Utilitarianism vs unselfishness: Collisions of epistemological discourse under caesar-politarch’s patronage]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 45(4), 614–622. <https://doi.org/10.18413/2712-746x-2020-45-4-614-622>

20. Yushkevich, A. P., & Rosenfeld, B. A. (1954a). Primechaniya k traktatu “Klyuch k arifmetike” [Notes to the treatise “Key to Arithmetic”]. In *Istoriko-matematicheskie issledovaniya* (Iss. VII, pp. 380–439). Moscow: Gostehizdat.

21. Yushkevich, A. P., & Rosenfeld, B. A. (1954b). Primechaniya k “Traktatu ob okruzhnosti” [Notes to “The treatise on the circumference”]. In *Istoriko-matematicheskie issledovaniya* (Iss. VII, pp. 439–449). Moscow: Gostehizdat.

Информация об авторе

Вячеслав Юрьевич Васечко, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1808-4404>, e-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Information about the author

Vyacheslav Yurievich Vasechko, Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1808-4404>, e-mail: vyacheslavpetro@narod.ru